

Моей необычно появившейся на свет Сюзанне

Глава 1

1998

Мне 7 лет. Я иду по бордюру, как по канату, руки раскинуты в стороны, словно крылья самолета. Ножка за ножкой, смотреть пытаюсь только вдаль, так советовал мне Марсель, вперед и вдаль, и главное, главное, не смотреть на свои ноги. С каждым днем идти все легче. В начале каникул удавалось сделать не больше трех шагов. Сегодня я могу несколько раз обойти квадратный дворик кривобокого серого дома, в котором живу. Я поклялась себе, что до конца лета сделаю это с закрытыми глазами.

Нога соскальзывает с бордюра всего через несколько сантиметров после моего предыдущего рекорда. Я достаю из кармана голубой мелок и чиркаю по камню: это новая метка. Закидываю лямку рюкзака на плечо, поправляю шлем на длинных темных волосах и выезжаю со двора на скейте.

Солнце стоит уже высоко в небе и ласково пригревает мне руки. Начался август, и город опустел. В некоторых магазинах даже опустили тяжелые железные шторы,

прикрепив к ним и оставив дрожать листки бумаги. Все разъехались. Все, кроме меня. Я бы тоже хотела на море, ясное дело, но мне нравится, что город только мой. В парке животные вылезают из укрытий, чаще всех — белки, ведь съестного у них поубавилось. Поэтому вечером, за ужином, я сую в карман кусок хлеба. Незаметно, украдкой, потому что дедушка не выносит расточительства. Он пережил войну, а в войну, говорят, всегда хочется есть.

Я добираюсь до своей любимой скамейки в тени большого дуба. Люблю его мощные ветви. Ничто не может так успокоить, как дерево, и, наверно, поэтому мне так нравится Марсель. Он похож на старый ствол.

Как и в другие дни, я пытаюсь обхватить ствол дуба руками. Обнимаю шершавую кору, она хорошо пахнет, как старый деревянный стол в кухне. Я думаю о том, что в тот день, когда смогу его обнять, я буду достаточно большой, чтобы уехать отсюда.

* * *

Но пока я здесь, в парке. Достаю краюшку хлеба из кармана шорт и бросаю несколько кусочков перед собой. Два голубя осторожно приближаются к крошкам. Я поглядываю на них, но толком не смотрю. Я жду.

И вдруг — он идет. На нем каскетка и зеленый комбинезон, перед собой он толкает тачку с цветочными горшками.

— Привет! — говорю я, подходя к нему.

— Хей, Притти Билли! — отвечает Эрнест своим низким баском.

Каждый раз радостная дрожь пробегает у меня по спине. Меня зовут Билли, в честь той американской певицы, у которой был самый красивый голос в мире. Билли Притти. Марсель рассказывал мне эту историю, когда я была маленькой и не могла уснуть. Именно так я объяснила происхождение своего имени Эрнесту в нашу первую встречу, в начале лета.

— Что ты сегодня сажаешь?

— Ирисы, — отвечает он. — Поможешь мне?

— Хорошо.

Цветы я не особо люблю, но мне очень нравится Эрнест. Он расцвечивает красками землю, а еще больше — мое сердце. Не знаю, как это может быть, но, стоит ему открыть рот, из него вырывается радуга. Низкие ноты, высокие ноты, а между ними перемешано множество тесситур. Я закрываю глаза и вижу, как сплетаются и расплетаются разноцветные узлы. Эрнест поет один, но я представляю себе, будто из него льются голоса всех его предков. И эта мысль успокаивает меня.

Я остаюсь с ним, пока он не уходит на обед. Тогда, вскочив на скейт, я принимаюсь петь песни, которые только что услышала. Дома нет ни радио, ни телевизора и уж тем более компьютера. Раньше в кухне потрескивал маленький приемник, но он отдал богу душу прошлой зимой. А замены ему так и не нашлось.

К счастью, соседка снизу играет на пианино каждый вечер по часу. Я этого не пропущу ни за что на свете. Прижимаю ухо к полу и слушаю поднимающуюся ко мне мелодию. С первых же нот у меня сердце набухает в груди. Оно становится таким большим, что я чувствую его в горле. Наверно, оно надавливает на что-то, на какое-то озеро, потому что всегда именно в этот момент из моих глаз вытекает слезинка и катится по щеке. Музыка — единственное, от чего я могу заплакать.

* * *

Марсель не особо разговорчив, но всегда меня слушает, когда мне есть что рассказать. Он высказывает свое мнение и никогда не раздражается, разве только когда кто-нибудь не закроет кран. Вот это действительно выводит его из себя — текущая вода. Проходя мимо любой струи, он бормочет себе в бороду:

— Посадили бы лучше деревья.

Марсель ненавидит бассейны, аквариумы и автоматические оросители. Воду он любит в море, в туче или на худой конец в пруду. Но остальное — нет.

А вот что он любит, что он действительно любит, так это скидки. Когда в городе открывается новый магазин, он берет меня под руку и мы мчимся на полной скорости припарковывать его старенький красный «ситроен» на стоянке торговой зоны. Марсель так торопится, что обычно мы приезжаем слишком рано.

Когда раздвигаются автоматические двери, Марсель непременно хочет пройти первым. Если бы существовали Олимпийские игры по потреблению, он точно получил бы золотую медаль!

На обратном пути он говорит о своих покупках и всегда называет цену каждой вещи. Ему мало сказать, что он купил три пары носков. Нет-нет. Марсель покупает три пары носков за 25 франков. Когда он называет цену, вид у него всегда довольный. Но только в этот момент. В конце месяца он утверждает, что покупки всегда обходятся дорого.

Сегодня утром на стоянке нового магазина сети GiFi солнце ласкает мне лицо. Мои глаза закрыты, стекло опущено, и я слушаю музыку, льющуюся из громкоговорителя на стоянке. Какой голос, такого красивого голоса я никогда не слышала.

— Кто поет эту песню, Марсель?

— А, это... это Билли Притти!

Я вся подобралась. Впервые я слышу эту певицу. Я искала ее записи везде, но так ничего и не нашла. Никакой Билли Притти в музыкальных магазинах, никакой Билли Притти в компьютере школьного информационного центра, никакой Билли Притти на стеллажах супермаркета. Я уже тысячу раз умоляла Марселя сделать что-нибудь, помочь мне, но он каждый раз только тычет пальцем мне в сердце:

— Билли Притти — здесь!

Ничто не злит меня сильнее, чем этот ответ. Мне хочется потрясти его как грушу, накричать на него, сказать, что мне уже не пять лет. Хуже того, мне хочется привязать его к стулу, пустить воду из всех на свете кранов и заставить его на них смотреть. Но каждый раз я ничего не говорю, потому что он старый, а у меня никого нет, кроме него, и я не хочу, чтобы меня бросили во второй раз.

— Марсель, расскажи мне историю Билли Притти! — настаиваю я.

— Опять! Я же тебе рассказывал на прошлой неделе! — ворчит он.

— Ну же...

— Ладно, ладно, расскажу! Билли Притти была величайшей певицей, какую только знал мир. Она была маленькая и пухленькая, с большими черными глазами, а губки у нее были такие, как мой «ситроен» в ту пору, когда он еще был ярко-красным. Когда она пела, никто не мог грустить. Она была пластырем в форме радуги, первыми июньскими вишнями, решением всех на свете уравнений. Говорят, сам президент приглашал ее, чтобы облегчить переговоры и избежать войн.

Я жадно слушаю. Историю я знаю наизусть, но он всегда ухитряется добавить к своему рассказу новые подробности.

— Однажды наше старенькое радио звучало на всю квартиру. Песни сменяли друг друга, Одетта

разгадывала кроссворд, я чистил картошку, а твоя мать читала книгу, лежа на кухонном полу. Вот радио заиграло новую песню, и вдруг Одетта вскочила, схватила меня за руку и закружила в танце. Я кружился, кружился, кружился вокруг Одетты, она была моим солнцем, ты же знаешь, а твоя мама смотрела на нас как на чокнутых. Когда музыка кончилась, твоя мама спросила меня: «Это такая профессия — заставлять людей кружиться в танце, папа?» И я подтвердил: «Да, профессия! Это Билли Притти». На следующей неделе в школе ей задали сочинение на тему «Кем вы хотите стать, когда вырастаете?». Она написала: «Когда я вырасту, я хочу стать билиприти».

Я смеюсь, как всегда, когда Марсель рассказывает мне эту историю.

— Когда твоя мама узнала, что Билли Притти, даже слитно, — это не совсем профессия, она сказала мне, что, если у нее будет ребенок, она назовет его Билли.

Обычно после этой части истории мы больше ничего не говорим друг другу. Смотрим в разные стороны и ждем, когда что-нибудь произойдет. В этот раз начинают звонить часы Марсея, и он подскакивает на своем сиденье. 9:58. Он всегда ставит будильник на две минуты раньше открытия магазина, чтобы уж точно ничего не пропустить.

— Скорее! Пора!

Он пулей вылетает из машины и бежит к дверям гипермаркета, как будто хочет первым ступить

на девственный пол этого громадного пространства. Марсель снова самый счастливый человек на свете.

* * *

На кухонном столе красуется глобус. Когда мой взгляд останавливается на нем, Марсель тут же говорит: «Девяносто девять франков вместо ста сорока девяти». Я не отвечаю. Сажусь перед чашкой Nesquik и вращаю земной шар быстро-быстро, время от времени останавливая кончиками пальцев. Китай, Мозамбик, Перу, Финляндия.

Я спешу покончить с завтраком, хватаю скейт и рюкзак и сбегаю во двор: надо попытаться побить мой летний мировой рекорд. Потом я пойду в парк. Потом съем сэндвич у железнодорожных путей, глядя на проходящие поезда. Потом пойду почитаю книгу в муниципальной библиотеке. Потом буду бросать камешки, пытаясь сбить консервные банки с ограды. Потом послушаю, как соседка играет на пианино. Потом поужинаю с Марселем. Потом пойду спать. А потом все начнется снова. И я думаю: «Однообразная жизнь — это жизнь, которую достаточно рассказать один раз».

Интересно, а в других странах мира маленькие девочки тоже носят имя величайшей певицы всех времен? Мне кажется, что я одна такая, единственная, везучая. Мне кажется, что где-то впереди меня ждет грандиозная жизнь, и одна эта мысль, ну, почти, держит меня на плаву.

Глава 2

1999

Моя комната не больше чуланчика. Я расту, и мне кажется, что она сужается. Раньше было три шага между стеной и дверью. Теперь только два. У меня есть большие мечты, но чаще всего они разбиваются о стены моей комнаты. Когда я об этом думаю, огненный шар начинает расти у меня в животе, этот огненный шар сжигает все на своем пути и, наверно, никогда не погаснет.

На первом этаже дома живет муж и жена, Эмманюэль и Тьерри Жирар, которые целыми днями ругаются под телевизор. Летом они открывают окна, и шум из их квартиры отражается от стен домов напротив. Они смотрят передачу, где публика все время аплодирует. Иногда, когда слышу аплодисменты, я беру расческу вместо микрофона и представляю себе, что это хлопают мне.

На втором этаже живет одинокий мужчина, которого мы практически не видим. Когда он приходит домой около пяти часов вечера, лицо у него грязное и руки в саже.

На третьем женщина, которая всегда носит лаковые лодочки на шпильках и темно-синий костюм. Я долго думала, что она стюардесса. Позже я узнала, что на самом деле она работает на ресепшене двухзвездочного отеля в конце улицы.

На четвертом та самая соседка, которая играет на пианино и подбирает всех кошек в округе. Мне кажется, ей лет тысяча. На самом деле не больше сорока. Марсель утверждает, что ей нельзя доверять и что не стоит слушать все, что она говорит.

На последнем этаже студент с бледным лицом, он живет ночью, но иногда выходит, шатаясь, и в дневные часы.

На пятом — мы с Марселем.

В школе я иногда разговариваю с Жюльеном и немножко с Лори. В буфете ставлю свой поднос на краешек стола рядом с одноклассниками, которые едва поднимают головы и продолжают разговор. Они пытались проникнуть в тайну девочки, которая живет одна с пожилым месье. Пытались понять, что может крыться за словами, которых я не произношу. Пытались — а потом перестали пытаться.

На отрывном календаре в кухне дата как будто мигает: 7 августа. Это мой день рождения. Интересно, вспомнит ли Марсель. С возрастом он все больше путается в датах. Я ухожу из квартиры еще раньше обычного, чтобы не пересечься с ним и дать ему время вспомнить, что сегодня особенный день.

Как обычно, я спускаюсь по лестнице бегом, считая ступеньки. Но на девятой чуть не натыкаюсь на нечто странное. Ни круглое, ни овальное. У этого нечто очертания мальчика.

* * *

Я собираю куски хлеба и пустые консервные банки, которые вывалились на лестницу, когда я пыталась не врезаться в мальчика и уронила рюкзак.

— Люди редко сидят на ступеньках в этом доме, — говорю я.

— Хотел подышать воздухом.

Я поднимаю бровь:

— Воздуха больше на улице.

— Меня зовут Максим.

— Понятно.

Я собираюсь продолжить свой путь, когда он спрашивает:

— А тебя?

— Билли.

— Ты куда?

Я медлю с ответом. Не люблю говорить, куда иду, ведь потом меня смогут найти.

— В парк.

— Можно с тобой?

Мне хочется ответить «нет», но это не так просто. Что-то внутри меня мешает мне говорить то, что

я на самом деле думаю, и я не говорю, чтобы никого не обидеть. Секунду я пристально смотрю на него. Темные волосы торчат во все стороны, глаза не отрываются от моих, футболка в полоску и кроссовки такие, будто обошли весь мир.

— Я приехал на каникулы к тете, — добавляет он.

— К даме, которая играет на пианино?

— Да. И варит литры супа.

— Мне нравится пианино.

Я снова бросаюсь вниз по лестнице. Через три ступеньки оборачиваюсь.

— Ну что, ты идешь?

* * *

Я вскакиваю на скейт, Максим идет рядом. Я немного замедляюсь, но не слишком. В конце концов, это он захотел пойти со мной. Мальчик ничего не говорит, поначалу это меня устраивает, но потом начинает раздражать. Вдвоем молчать труднее.

— А можно мне? — отвлекает меня от моих мыслей Максим.

— Что?

— Покататься на твоём скейте.

— А...

Я подкатываю скейт к нему. Максим ставит ногу на доску, и та сразу уезжает в сторону. Я медленно иду

за ней к дереву, на которое она наткнулась, и снова ставлю перед ним, ничего не комментируя. Максим опять пытается счастья, но сценарий повторяется. Я хочу ему сказать, что надо сначала найти равновесие, а потом уж пробовать ехать, но ничего не говорю, и Максим в третий раз ставит ногу на деревянную доску, которая лучше катится без него.

— Моя мама ненавидит всё с колесами, — говорит он наконец. — У меня был велосипед, когда я был маленький, но я упал, и она его продала. С тех пор у меня гитара.

— ...

— С гитары я еще не падал, — добавляет он, пристально глядя на меня.

Я нахожу его забавным, но все равно как каменная. Мне нужно время, чтобы начать смеяться или плакать перед людьми, которых я не знаю.

Он пробует четвертый раз. Дрожит всем телом, но скейт остается на месте. Он спускает левую ногу на землю и тихонько отталкивается. И едет. Я иду следом на небольшом расстоянии. Доехав до того дерева, до которого скейт сначала трижды докатился сам по себе, он спускается с доски и поворачивается ко мне с улыбкой, такой широкой, что я застываю на месте. Что-то подпрыгивает у меня в груди. Я счастлива, что он счастлив, но нет таких слов, которыми можно было бы это выразить.

Я забыла. Думала только о своем дне рождения и совсем забыла, что сегодня суббота и Эрнест не работает. Я пришла в парк с этим мальчиком, который мне нужен как собаке пятая нога, и вдруг на душе становится очень пусто. Песни нет. Нет ритма, нет радости, нет смысла.

Придется опять бродить по магазинам и делать вид, будто рассматриваю вещи, на которые мне плевать, с единственной целью услышать хоть одну ноту музыки. Все это меня злит, я зла на целый свет, особенно на Марселя, который тратит все деньги на товары по акциям и не может купить простое радио. Я пинаю камешки, попадающиеся мне на дороге, пинаю лист, пинаю конфетный фантик, пинаю траву, пинаю пустоту. Максим наверняка не понимает этой перемены настроения, но ничего не говорит. Просто идет за девочкой, которую скорее всего находит чудной. Идет следом, почти физически ощущая странное противоречие: ему хочется и одновременно совсем не хочется оказаться сейчас в другом месте.

— Ненавижу выходные на каникулах. Они бесполезные. Как кепка под зонтом или зажженная днем лампа.

Максим вдруг начинает говорить очень быстро. Я понимаю, что он понимает не все, но немножко все-таки понимает. Он умеет распознавать разочарование, потому что сотни раз испытывал его сам, после фраз, произнесенных его мамой. «Нет, ты не пойдешь играть

к Венсану», «Насчет велосипеда посмотрим на будущий год», «Ты не поверишь, но в команде регби не осталось свободных мест». Он всегда собирался что-то сделать, но кончалось тем, что не делал ничего, потому что мама каждый раз ударялась в панику и отменяла все планы в последнюю минуту. Он ненавидел последние минуты.

Так что на эту неделю каникул у тети он даже не надеялся. Неделя на расстоянии, неделя свободы, неделя, в которую он будет что-то делать, а не собираться что-то сделать. Неделя, которая стала возможна благодаря множеству «Брось, Шанталь...» его отца, и трудно сказать, что там бросила Шанталь, но Максим был здесь, один, в двухстах семидесяти километрах от дома, впервые в жизни.

— Идем посмотреть на поезда?

Теперь я отвлекаю Максима от его мыслей. Это даже не вопрос, и Максим просто идет за мной, ускоряя шаг. В трехстах метрах от парка есть мостик над железнодорожными путями. Ржавые перила вставлены в бетон, но между ними и мостом достаточно места, чтобы просунуть ноги. Я смотрю на свои старенькие красно-синие часики:

— Через минуту появится парижский поезд. Ты должен задержать дыхание на все время, пока он будет проходить, от первого вагона до последнего. Иначе умрешь. Понял?

— Э-э, ладно.

— Уже идет... Ты готов?

Он даже ответить боится, только энергично кивает головой. Поезд идет, и я вижу, что Максиму уже не хватает воздуха. Вагоны проносятся под нами, и когда последний выезжает из-под моста, мы переводим дыхание, как будто вынырнули из морской глубины.

— В девять сорок семь всегда длинный!

Я смотрю на него, не мигая, и добавляю:

— Неплохо для первого раза. Ты откуда?

— Из Нанта.

— А кто твои родители?

— Папа инженер. Он строит плотины. Мама работает в страховой компании. Но чаще всего она беспокоится.

— У тебя есть братья или сестры?

— Брат. Младший.

— Почему я тебя раньше никогда не видела?

Максим пожимает плечами, и я хмурю брови.

— Обычно тетя приезжает к нам. Мама не любит, чтобы мы все находились в одном... э-э... средстве передвижения.

Мои брови медленно расхмуриваются. Я вспоминаю «ситроен» Марселя, серые велюровые сиденья, которые так по-особому пахнут, смесью прошлого и настоящего, пыли и летней жары. Мне разрешается сесть впереди, но только при условии, что пристегну ремень, потому что для пассажиров передних сидений это давно обязательно.

День пролетает с быстротой молнии, и когда я в следующий раз смотрю на часы, уже пора домой.

— Мне надо идти. Марсель меня ждет.

Я встаю, и Максим идет за мной. На лестнице, там, где наши пути расходятся, я гляжу на него лишнюю секунду. Эту лишнюю секунду я всегда буду на него глядеть, даже когда мы вырастем.

— До завтра?

— До завтра.

* * *

— Марсель?

Квартира погружена в темноту. Ни звука. Обычно Марсель всегда дома, когда я прихожу. Он никогда не опаздывает, потому что любит ужинать пораньше.

— Ма-а-арсель?

Желудок сжимается в спазме, я останавливаюсь, пытаюсь вспомнить, какое слово он произнес последним сегодня утром, когда я выходила из квартиры, и вспоминаю, что слов-то не было. Я ушла, когда он еще не встал.

— Марсель, ты здесь?

Я иду в кухню, толкаю дверь, а там на столе горит маленький огонек и освещает Марселя. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что это тарталетка с клубникой, в которую кучно воткнуты восемь свечек.

— Хе-хе! Ты же не думала, в самом деле, что я забуду?

Марсель чмокает меня в лоб и начинает весело напевать «С днем рождения тебя». Он разрезает крошечную тарталетку на две части, равные, но не совсем, потому

что у нас равенство всегда было в мою пользу. Потом он берет с полки сверток и протягивает его мне. Я стою, затаив дыхание. Уже несколько месяцев я разбрасываю рекламки радиоприемников по всей квартире. Думаю, что уж в этот раз промашки быть не может. Сердце бьется все быстрее. Но останавливается как вкопанное, когда я понимаю: это не то, на что я надеялась. В этой картонной коробке не радиоприемник, а пупс. Пупс за 99 франков вместо 149.

Я ложусь в постель и смотрю на потолок своей комнаты, на который сама наклеила три флуоресцентных звезды. Каждый вечер мои мечты повисают на их пластмассовых концах. Частенько какая-нибудь звезда отклеивается и шмякается на пол.

Я вспоминаю свой день, знакомство с Максимом. Мне бы тоже хотелось, чтобы кто-нибудь где-нибудь за меня беспокоился. Есть, конечно, Марсель. Но, по правде сказать, больше я беспокоюсь о нем, чем он обо мне. Мне 8 лет, но я уже понимаю: если с ним что-то случится до моего совершеннолетия, меня поместят в приют или в приемную семью. Я это знаю, поскольку не уверена, что Жонатан, мой кузен из Сент-Этьена, о котором Марсель иногда говорит, существует на самом деле. Однажды он назвал его Жереми.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru